

Советские ценности и формирование новой российской идентичности

© В.В. Легчилин

МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, 105005, Россия

В качестве цели исследования автор ставит перед собой задачу обосновать необходимость органичного включения части советских ценностей в систему ценностей, формирующуюся в рамках современной российской идентичности. Научная новизна работы состоит в обосновании тезиса, что, хотя теоретически система ценностей, разделяемых большинством социума, вырабатывается гражданским обществом, для преодоления кризисных явлений в сфере идентичности в современной России нужна направленная на решение этой задачи деятельность государства (политика идентичности). Необходимость преодоления разрывов и расколов, образовавшихся в общественном сознании, консолидация населения перед лицом современных геополитических угроз и вызовов делают актуальным использование советского опыта в этой сфере и возврата к таким ценностям, как справедливость, понимаемая как равенство, гуманный образ будущего и примат в человеке социокультурного начала над природно-биологическим.

Ключевые слова: *идентичность, ценности, советские ценности, политика идентичности, критерии развития, энергия социально-экономического развития.*

В год 70-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне представляется актуальным вспомнить о тех ценностях и смыслах, которые вели на подвиг солдат и офицеров той войны, объединяли фронт и тыл и, в конечном счете, позволили победить в противостоянии с потенциалом всей континентальной Европы, объединенной под властью нацистской Германии.

Было бы наивно отрицать тот факт, что это было противостояние «исторической России» и Европы как цивилизаций. Однако еще более непродуктивно не осознавать, что данное противостояние имело конкретную историческую форму и в ее рамках столкнулись не только армии, государства, экономические системы, но и ценности, на которые они опирались. А русская, российская система ценностей на тот исторический момент имела советское содержание, советские смыслы.

Под покровом бесконечных причитаний о жертвах советского периода отечественной истории в наших общественных науках сформировалось своеобразное табу на анализ реального исторического опыта и особенно опыта успешного. Мы как народ, как цивилизация постоянно побеждали, развивались и даже просто выживали неправильно с точки зрения какого-то абстрактно-гуманистического

«подсчета» числа понесенных потерь и принесенных жертв, а следовательно, и гордиться нам нечем. «Просвещенная Европа» жертв не приносила, население берегла и легла под Гитлера, а затем пришла к нам в составе его армий и в качестве тыловой поддержки их мощи. Мы же даже не вспоминаем, на чьей стороне воевали Венгрия и Финляндия, Болгария и Словакия, Испания и Италия и далее по списку членов Евросоюза.

Выбор ориентации на «вхождение в Европу», «интеграцию в мировую экономику», «возврат в мировую цивилизацию» (формулировка несколько подзабытая, но остающаяся руководством к политической деятельности) на долгие годы предопределил нежелание помнить и понимать реальный исторический опыт и искать критерии оценки предков и их свершений где-то далеко за пределами Родины и национального самосознания. Естественно, что в качестве ответа мы получаем признание советского режима, советского периода нашей истории, советских смыслов и символов, их отражающих, преступными и подлежащими запрету ныне даже на территории Украины.

Политический смысл всех этих действий совершенно понятен: приравнять фашизм и коммунизм как идеологии, нацистский режим и советский режим, роль Германии и Советского Союза в войне, лишить нас статуса державы-победительницы, а в идеале еще и выдвинуть претензии за «советскую оккупацию» в послевоенный период со стороны вчерашних союзников германского фашизма или от имени их пособников вроде прибалтийских и украинских националистов.

И здесь уместно вспомнить, что чувство вины за отсутствие святости всегда было ахиллесовой пятой русского исторического сознания и русской культуры. Глубоко укорененное в православии это чувство, носящее религиозный характер, перешло в нашу вполне светскую культуру и стало частью культурного кода. Никакие рациональные аргументы его разрушить не в состоянии, но заблокировать эксплуатацию этого чувства для достижения конкретных политических целей представляется абсолютно необходимым.

В этом смысле целесообразен анализ основных ценностей советской идеологии в ее противопоставлении фашизму и либерализму и нашим врагам и бывшим союзникам в минувшей войне.

Однако главная проблема, продуктивное решение которой, на наш взгляд, невозможно без осмысления советских ценностей и смыслов, — это проблема формирования современной российской идентичности на фундаменте предшествующего исторического опыта и преодоления наметившихся трагических разрывов в исторической, культурной памяти, преемственности поколений и единстве общества. Даже если принять за основу тезис о достаточности для формирования идентичности наличия политического субъекта на ос-

нове гражданства, который энергично и последовательно отстаивает директор Института этнологии и антропологии РАН В.А. Тишков [1], то это не снимает проблемы исторической и ценностной преемственности в формировании идентичности у граждан современной России. Здесь все равно возникает весь тот комплекс вопросов, на который в свое время пришлось ответить большевикам и который в итоге сводится к формуле: «от какого наследства мы отказываемся», а что воспринимаем как неотчуждаемо наше, включая Победу, с упоминания о которой мы начали. Идентичность неизбежно требует обеспечить связь между различными поколениями и внутреннюю целостность исторического бытия того макросоциального субъекта, с которым отождествляет себя личность, конкретный гражданин в процессе самоидентификации.

Формирование современной российской идентичности возможно только на основании некоей системы ценностей и их смыслового содержания, разделяемого если не всеми гражданами страны, то, по крайней мере, большинством, которое способно навязать эти ценности в качестве обязательных для политических, экономических и духовных институтов социальной системы. Жизненно важно обеспечить новым поколениям ретрансляцию подобной системы ценностей и смыслов через институты образования и воспитания.

В конечном счете, речь идет о формировании национально-государственной идеологии, без которой государство просто не может существовать в качестве суверена и субъекта исторического процесса. Бесконечные разговоры о кризисе национального государства, о его отмирании и необходимости демонтажа в современном глобальном мире, так или иначе, прикрывают интересы неких политических сил, претендующих на верховную власть в формирующейся на глобальном уровне системе отношений и не нуждающейся в выявлении «воли народа», которая, в традиционном понимании демократии, признается единственным легитимным источником власти.

Если допустить, что в глобальном мире государство как форма политической организации субъектов, именуемых народами, себя изжило, то встает вопрос об ином субъекте, воля которого должна быть источником легитимности, или о прямом отказе от выявления такого субъекта и определении иных источников легитимации власти. И уже в этом месте анализа проглядывает зловещая тень фашизма с его идеей «воли к власти», неравномерно распределенной между людьми, и «фюрер-принципом» как источником права. Невольно встают вопросы, на которые никто не спешит искать ответы. Волевое, организованное, сплоченное, «просвещенное» меньшинство хочет освободиться от демократических ценностей, принципов и процедур, которые ограничивают его «творческую» активность? Кто вместо народа, организованного в государственную форму политиче-

ской общности, должен стать субъектом контроля и ограничения властвующих? Возможно ли выявить и описать такой субъект?

По совершенно справедливому замечанию И.С. Семененко, «в политической науке понятие “политика идентичности” (identity politics) принято связывать с утверждением права организованных в группы интересов меньшинств на собственную систему ценностных предпочтений и моделей поведения. Политика идентичности стала частью арсенала социальных движений и сама стимулирует их развитие» [2, с. 11]. Какой же субъект стоит за «политикой идентичности», настаивающей на «отмирании» национальных государств в современном мире, и какая форма политической организации предлагается взамен? Более или менее вразумительный ответ на этот вопрос получить невозможно. Переход властных полномочий к неким наднациональным структурам, вроде общеевропейских, только обостряет противоречия между глобальным характером экономики и национально-государственной формой организации сферы политики. Эта проблема подробно анализируется в работах А.И. Фурсова [3].

Между тем исторический опыт наглядно показывает, какая идеология и система ценностей стояла за попыткой объединить европейские страны под единой властью накануне Второй мировой войны. Эту функцию было поручено взять на себя фашизму, в его разнообразных «национальных» формах охватившему всю континентальную Европу.

Необходимо сразу обозначить наиболее фундаментальное из многочисленных и глубоких различий между коммунистической (советской) и фашистской идеологическими системами. Столкнулись два полярных понимания человеческой природы и вытекающего из них представления о справедливости, а значит, и два образа желаемого будущего. Именно решение проблемы человека и понимание справедливости является, в конечном счете, мировоззренческим ядром любой идеологии.

Фашизм во всех его национальных версиях исходит из того, что человек по своей природе есть эгоистичное, агрессивное, сладострастное животное с неравномерно распределенной жадностью власти, воли к ней, и, следовательно, справедливость естественным образом сводится к выстраиванию «правильной» доминантной иерархии в обществе. По природе люди аморальны. Мораль была изобретена как «оружие слабых» против сильных (Ф. Ницше). Из этого вытекает необходимость изменить общество таким образом, чтобы сильные и волевые стали господами и получили простор для культурного творчества, подчиняя себе слабых и очищая нарождающийся новый мир от продуктов биологического и социального вырождения. Евгеника как «учение селекции применительно к человеку, а также о путях улучшения его наследственных свойств» естественно ставилась во

главу угла в деле реализации «справедливой иерархии» и приближении будущего, отражающего «правильный», справедливый в смысле его природной предопределенности миропорядок.

И фашизм, и коммунизм ставили задачу изменения человека, формирования «нового человека», но делали они это на принципиально разной основе. Фашизм и особенно его национал-социалистская разновидность опирались на расистскую теорию и, следовательно, примат биологического в человеке, из чего вытекали идеи расового очищения и формирования «расы господ», а проще говоря, необходимости улучшения «породы» и принудительной селекции в качестве метода.

Советские идеология и система ценностей, напротив, акцентировали социальную природу человека, возможно даже искусственно принижая значение всего того, что в человеке связано с его биологическими свойствами. Восприняв от французских материалистов идею, что человек есть продукт материальных условий бытия и воспитания, марксизм всячески подчеркивал и выделял способность человека менять обстоятельства и самого себя через «революционную практику», т. е. через социальное творчество, в процессе равного для всех участия в делах общества и государства, через общественно полезный труд и реализацию творческого потенциала каждого индивида. Социальные и интеллектуальные качества личности при таком подходе не рассматриваются как наследуемые генетически, а биологические характеристики индивида трактуются как предпосылки, которые всегда менее значимы, чем воздействие социальной среды, и уж точно не имеют предопределяющего значения.

Сразу заметим, что западный либерализм занимал в вопросе о природе человека и вытекающем из нее понимании справедливости своеобразно «компромиссную» позицию. Природа человека понималась и понимается биологически, но признается значимость рационального начала и социального инстинкта в нем. Разум и потребность жить в обществе предопределяют возможность силой закона и основанного на нем принуждения сковать животное начало и направить асоциальную энергию эгоистических устремлений в социально приемлемое русло. При этом справедливость трактуется как сочетание равенства (перед законом, в правах, возможностях принимать участие в конкуренции за дефицитными ресурсами) и иерархии (распределение собственности, доходов, престижа). Но элитаризм все же оставался важной составной частью ценностного багажа либерального Запада, и он не оставлял попыток адаптировать евгенические теории к социальной практике на протяжении всего XX в. (достаточно вспомнить законы о принудительной стерилизации, принятые в США в начале XX в., евгенический закон в Швеции и другие подобные примеры). В современной либеральной России, кстати, тоже пред-

принимались попытки внести в проект «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» идею принудительной стерилизации, вызвавшие резкую критику со стороны Межрелигиозного совета России [4].

Отрицать наличие животного начала в человеческой природе невозможно, но сводить к нему человеческую сущность и строить на этой основе всю социальную систему — это и есть фашизм. Человек по своей природе животное, а значит, в нем сидит зверь, и зверей этих надо тщательно отобрать, желательнее сделав это на «научной основе», по их биологическим задаткам, а затем позаботиться о формировании справедливой иерархии на основе все тех же биологически predetermined способностей и задатков.

Либеральная доктрина утверждает, что человек — разумное животное, а значит, его в итоге можно «интерпретировать» через понятие «машина», далее постулируется принципиальная возможность познания его сути через некие математические «алгоритмы». Именно в рамках этой логики развивается такое модное ныне направление исследований и социального проектирования, как «трансгуманизм», с его мечтой добиться бессмертия через перенос личности на небиологический носитель и сращивание человека и машины. Все подобные разработки и их «идеология» ярко иллюстрируют тот факт, что рационализм без моральных ограничений постепенно превращается в монстра, в свою противоположность, требующую выведения с помощью новейших технологий и на научной основе новой расы, очередного *сверхчеловека* или *постчеловека*.

Религиозное сознание настаивает на том, что человек — это совершенно особое создание и его суть нельзя понять до конца ни через понятие «животное», ни через понятие «разумное животное», ни через понятие «биологическая машина», между которыми мечется западная рациональная философия. Христианство для понимания сущности человека предлагает понятие «образа и подобия божия», но оно сразу ставит ограничение, заключающееся в неспособности человека достичь полноты этого «подобия». Религия задает систему координат «добро и зло», а рационально-научное сознание всячески чурается ее как оценочную, а значит, необъективную. Но без подобной системы координат невозможно определить вектор движения общества и человека, который можно принять как совершенствование или развитие. Быстрые и все ускоряющиеся нововведения (инновации) сами по себе развитием не являются. Развитие, прогресс — это оценочные категории, требующие введения критериев оценки происходящих изменений.

Марксизм, восприняв от европейского гуманизма идею самоценности человека, которая была религиозной и чисто христианской, в качестве критерия прогресса (еще одна идея европейского гуманиз-

ма) и его цели определил «всестороннее и гармоничное развитие личности» каждого члена общества (именно каждого человека, поскольку справедливость понимал как максимально достижимое равенство). В атеистической, рациональной и постоянно претендующей на сугубую научность идеологии угнезились в итоге чисто религиозные идеи самоценности личности и ее «предназначения» к восхождению, совершенствованию и развитию в интеллектуальном, нравственном и эстетическом смысле. Система советских ценностей и смыслов включала в себя идею «всестороннего и гармонического развития каждого человека» как цели изменений, происходящих в социальной системе, и одновременно критерия оценки этих изменений. То, что эти положения имеют религиозные корни, отрицалось на том основании, что они вытекают из чисто человеческого опыта, нашедшего свое выражение в культуре. Советский гуманизм, безусловно имевший христианские корни, был формально светским: «нерелигиозным» или «надрелигиозным», что очень важно для страны, в которой бок о бок живут и трудятся представители множества религиозных конфессий. Любые попытки в государственной политике опереться на установки и представления одной из религиозных групп общества неизбежно раскалывают это общество и порождают проблемы с консолидацией вокруг общих целей и ценностей. Чисто научный анализ и объективность требуют указать на религиозно-культурные корни этих идей, но идеологическое их оформление, напротив, нуждается в преодолении подобной религиозной окраски.

Природа человека понималась в советском обществе, прежде всего, как биосоциальная, но сущность однозначно трактовалась как социальная. Каждый человек определялся как личность, а личность в свою очередь как совокупность общественных отношений, в которые включен человек. Родовое отличие человека от животного есть способность к труду, а значит, и реализует себя человек, прежде всего, в процессе трудовой деятельности. 25 лет назад все эти тезисы звучали как банальности, а сейчас об этом приходится напоминать, поскольку под широко вещательные разговоры о необходимости развития страны мы забыли определиться в вопросе о цели, а значит, критериях этого развития и тем более об источнике его социальной энергии.

Начиная с эпохи Н.С. Хрущева, уже в советском обществе произошла невольная (или сознательная?) подмена идеи развития творческого потенциала каждого человека идеей необходимости создания определенных материальных условий, пусть все еще для его развития. Подобное перенесение акцентов логически вытекало из необходимости выявления приоритетов и конкретизации хозяйственных задач. Для определения конкретных параметров «материальных условий» советское руководство обратилось к «опыту передовых стран»

капиталистической системы, потеряв из виду классовый характер этого опыта. Уровень потребления, его структура и формы в западном обществе строго иерархичны, а образцами для советской элиты, естественно, стали уровень жизни, структура потребления и формы потребления элиты западной. В итоге после «реформ 90-х» руководство страны довольно быстро достигло желаемых результатов для себя, бросив основную массу населения в откровенную нищету.

Надо помнить, что нищета — понятие социальное и имеющее сравнительное содержание и меру. По сравнению с элитой даже те, кто все еще относит себя к «среднему классу», — нищие (распределение собственности, доступ к ресурсам и т. п.). Теоретически заимствованная на Западе модель развития подразумевала, что «сильные», предприимчивые и честолюбивые станут, как и на Западе социальной базой для дальнейшего быстрого движения вперед и обеспечат для этого необходимую обществу социальную энергию. Но этого не произошло, 25 лет страна деградирует и переходит из одного кризиса в другой. Но, пожалуй, главное здесь, что за прошедшее время элита так и не предложила обществу «образ желаемого будущего», не определила цель, а следовательно, и критерии развития.

Советское общество в качестве одной из высших ценностей предлагало образ желаемого будущего, которое называлось «коммунизм». Данный образ в чем-то был смутным, но это легко объяснялось тем, что научное предвидение имеет свой горизонт, что когда будущее наступит, выяснятся его внутренние противоречия построенной системы и определятся пути их разрешения, а пока необходимо двигаться в этом направлении, поскольку оно единственно правильное и научно обоснованное. Для простого советского человека главным было то, что будущее это светлое, человеческое, рациональное и справедливое. Образ желаемого будущего был ценностью и во многом придавал смысл человеческому существованию через участие в общем деле его строительства. При этом коммунизм трактовался как состояние общества, как этап его развития, который никогда и нигде ранее не существовал.

Развитие современного Запада красноречиво свидетельствует, что общество, достигшее относительной сытости и безопасности и уже в этом смысле утратившее цель, медленно, но неотвратимо превращается в свинарник.

Постсоветская элита предложила попроситься со всяческими утопиями и прагматично начать копировать чужой положительный опыт. Но подобное расставание для общества есть прощание со своим будущим, сознательная или неосознанная его замена чужой мечтой и чужой утопией. Утопия — это рационально сконструированный образ желаемого будущего, выражающий интересы конкретных

социальных субъектов и сформировавших на основе этих интересов свою систему ценностей. «Русская идея» в этом контексте и смысле — это не что иное, как идеал, к которому стремится русский народ. В 1990-е гг. было решено, что можно жить без подобного идеала и, более того, что наш идеал — это построенное в странах Западной Европы общество массового потребления, комфорта и демократии.

Но если наше будущее — это чье-то желаемое нами настоящее, то логично встает вопрос: достижимо ли подобное будущее для нас? Здравый смысл при минимальном кругозоре позволяет дать однозначно отрицательный ответ. Ресурсы планеты ограничены, их потребление более или менее стабильно распределено в условиях глобальной мировой экономики. Кто и в силу каких причин подвинется и освободит для нас «место под солнцем»? Уже этот простой вопрос обрушивает предложенную цель как абсолютно недостижимую без войны или череды войн. Да и в чем смысл усилий или ожидания, необходимых для наступления подобного будущего в родной стране, когда можно просто тем или иным способом перебраться туда, где оно уже является настоящим?

В 1990-е годы Россия получила не просто элиту без национальной утопии, а осознанно предлагающую стране образ желаемого будущего, «подсмотренный» где-то за ее пределами. Стоит отметить, что российская элита не выступает монолитом в восприятии и понимании этого, если так можно сказать, «идеала». В ней можно выделить сегмент представителей крупного, выходящего на международный уровень, капитала, который с упоением осваивает культуру утонченной «роскоши». Присутствует криминально окрашенный сегмент, который все ту же роскошь смешивает с разнузданностью и презрением к ней, характерными для воровской «малины», и иногда искренне путает подобное поведение с «широтой русской души». Присутствуют прагматики, которые искренне считают, что можно прожить без идеалов и стратегических целей, элементарно выживая по принципу «не до жиру, быть бы живу». Именно они невольно формируют у молодежи установку на жизнь по принципу «есть только настоящее». Озаботившись, например, пропагандой «здорового образа жизни» (хорошее, казалось бы, дело), подобные люди не желают осознавать, что он напрочь лишен смысла без значимых целей в будущем, ради достижения которых стоит ограничивать себя в настоящем.

Наконец, какая-то часть современной элиты искренне хочет вернуться в некоторое придуманное ими «православное» прошлое, где мужик знал свое место и помнил, что царь — это царь, а барин — это барин, и на все это «безобразия» есть божья воля, которой человек должен подчиняться. Как последнее должно сочетаться с демократическими ценностями, всеобщим обязательным образованием и со-

временным производством и многими другими реалиями современности, совершенно непонятно.

В 1990-е гг. мы получили элиту со своеобразным «комплексом неполноценности», которая понимает развитие как копирование «образцов» уже выработанных и реализованных где-то на Западе. Этот слой общества не способен и даже не ставит перед собой цели перехватить историческую инициативу и стать субъектом, предлагающим альтернативные цели, методы и критерии развития общества. Именно в этом коренное различие советской и особенно большевистской элиты и сегодняшней отечественной. Последняя, копируя Запад, делает ставку на частную инициативу, во многом корыстную и эгоистическую, как на источник социальной энергии, которая должна стать двигателем развития экономики и общества в целом, игнорируя, по сути дела, весь предшествующий исторический опыт России и особенно опыт советского периода.

Современная российская элита монолитна и консолидирована только в полном и абсолютном отрицании советских ценностей, смыслов и целей. Хотя следует отметить, что в последние годы здесь наметились известный отход от прежней ожесточенности в критике этих ценностей и признание определенных достижений. Очень характерны в этом отношении изменения в позиции такого консервативного института современного российского общества, как Русская православная церковь. В выступлениях Патриарха Кирилла и в документах Всемирных русских народных соборов, проходящих под руководством РПЦ, все чаще звучит мысль о необходимости целостного видения национальной истории. В Соборном слове XVIII Всемирного русского народного собора, в частности, утверждается: «Перед лицом попыток противопоставить друг другу различные периоды нашего прошлого мы констатируем единство и непрерывность русской истории. Призываем соединить все лучшее и ценное из различных эпох нашей истории в великом синтезе религиозных идеалов Древней Руси, государственных и культурных достижений Российской Империи, социальных императивов солидарности и равенства, провозглашенных в советском обществе, справедливое стремление к осуществлению прав и свобод граждан в постсоветской России. Подобную идеологическую модель можно описать формулой “вера — справедливость — достоинство — солидарность — державность”» [5]. С одной стороны, следует признать и особо отметить само стремление Русской православной церкви в лице ее иерархов подняться над «историческими обидами» и приступить к синтезу ценностей различных эпох нашей истории. Как говорится, «самая длинная дорога начинается с первого шага». А с другой стороны — из советского прошлого предлагается взять ценности справедливости и солидарности, а образ светлого и гу-

манного будущего не упоминается, что, впрочем, понятно, когда речь идет о религиозных деятелях. Они утопии не любят, не ценят и, исходя из своего мировоззрения, считают их непродуктивными и опасными.

«Образ будущего», тем не менее, является совершенно необходимым инструментом политического управления. Этот образ можно называть утопией, можно позиционировать как проект, можно определять как национальную идею, но он совершенно необходим для определения стратегических целей развития страны и собственно критериев меры приближения достижения этих целей. Если нет общих и именно национальных целей, то невозможны консолидация и, главное, мобилизация общества для совместных усилий по их достижению. Отказ от мобилизационных методов и ставка на частную инициативу, как это было на «историческом Западе», представляются общественному сознанию как извлечение уроков из советского периода и недопустимость большого числа жертв и ограничений на основе гуманистических и демократических ценностей, усвоенных нашим обществом в постсоветский период.

Мобилизация всегда связана с ограничениями и действительно, как свидетельствует опыт не только нашей страны, ведет к некоторым жертвам. Она всегда осуществляется «за счет» чьих-то интересов и на основе определения ресурсов для развития. Поскольку в процессе перехода к сегодняшней социально-экономической модели и ее функционирования в последние десятилетия ресурсы были сконцентрированы в руках крупной буржуазии, которую стыдливо именуют «крупным бизнесом», и государственной бюрократии, то совершенно понятно, что угрозы от социальной мобилизации исходят только для интересов этих слоев нашего общества. Они очень похожи по образу и уровню жизни, по целям, к которым стремятся, и тесно переплетены между собой на личном уровне, но, тем не менее, занимают в общественной системе различное положение.

Отечественный крупный бизнес не случайно именуют «оффшорной аристократией». В традиционной терминологии — это компрадорская буржуазия, которая делает деньги на родной земле и за счет своего народа, но в сотрудничестве с Западом и для размещения капиталов на Западе. Все попытки политической элиты «деоффшоризации» экономики проваливаются одна за другой, и не нужно обладать даром провидца, чтобы понимать, что будут проваливаться и впредь. Такова природа этого класса, и совершенно неважно, насколько отдельные его представители исповедуют патриотические идеалы и разделяют национальные ценности. В бизнесе они руководствуются интересами и экономической целесообразностью, а не идеалами. Функционирование глобальной экономической системы выстроено по жестким и неотвратимо функционирующим правилам. Запад не

допустит сколько-нибудь существенной переориентации вывезенных капиталов на развитие страны и даже их простого возвращения на родину. Да и ждать от этого класса социального творчества, самостоятельности и стремления к перехвату исторической инициативы наивно. Его амбиции сводятся к «вхождению» в мировую экономическую элиту по чисто количественным параметрам (размеры активов, список Forbes), так как формировался он из людей, уверовавших в принцип Гайдара и Чубайса: «Не надо изобретать велосипед». Это класс с генетическим «комплексом неполноценности» в отношении исторического творчества, само понятие «развитие» для него связано с копированием экономических, социальных и культурных образцов, уже существующих на актуальном Западе без их критического осмысления. Хотя некоторая оторопь от этих образцов в последнее время присутствует и в нем.

Иное положение у правящей бюрократии. Ее деньги тоже в оффшорах, но ее будущее как социального слоя, место и роль в мире, да и сохранность источников обогащения, так или иначе, связаны с интересами государства, которым она управляет. И при всей ненависти к советскому прошлому, в котором приходилось ограничивать потребление и нести жестокую ответственность за результаты своей деятельности, госаппарат вольно или невольно ностальгирует по «величию» и масштабам советских свершений. Он, пусть медленнее, чем хотелось бы, но приходит к осознанию реальных угроз для страны, а значит и собственных реальных интересов. События в Крыму и на Украине показали это очень наглядно. Но эти события выявили и степень зависимости современного Российского государства от внешних факторов, и необходимость активизации поиска внутренних резервов для накопления сил, а значит, и развития страны. Идея «вхождения в Европу» как образа желаемого будущего померкла или отдалилась настолько, что вынуждает задуматься об альтернативе. Тем более это актуально в связи с невозможностью для христианской цивилизации России достаточно органично «интегрироваться» в Азию, на что с иронической ухмылкой в качестве альтернативы вестернизации указывает либеральная часть экспертного сообщества.

Потенциально можно допустить, что трезвомыслящая и патриотично настроенная часть бюрократического слоя может попытаться найти в обществе или сформировать в нем достаточно широкую социальную базу для формирования образа будущего, альтернативного западной модели развития и позволяющего ставить собственные цели и развиваться, не копируя и не встраиваясь в существующие структуры.

Страна и общество стоят на перепутье, все говорят о развитии, но не отвечают на вопрос о причинах его отсутствия. При этом советский опыт откровенно игнорируется, отбрасывается как изживший

себя и неприемлемый по числу жертв. Однако и в плане консолидации общества на основе новой российской идентичности, и в плане активизации социальной энергии необходимо ответить на вопрос о целях, которые ставит перед собой наше общество и которые уже в свою очередь призваны определить критерии его развития.

Возможно ли в актуальном российском обществе выделить слой или достаточно мощную социальную группу, интересы которой станут основой формирования новой «русской мечты», в качестве которой в советское время выступал коммунизм? Этот вопрос является фундаментальным для выживания страны, а возможно, и мира в целом.

Если коротко обозначить варианты, которые имели место в прошлом и настоящем, то стоит вспомнить, что фашизм склонялся к видению будущего как реанимации мифологизированного прошлого, он выдвинул идею «консервативной революции» в интересах класса буржуазии. Коммунизм конструировал будущее на базе науки, разума, гуманизма и веры в прогресс как закона общественного развития в интересах класса трудящихся, прежде всего, промышленных рабочих. Обе эти идеологии предлагали образ желаемого будущего как средство мобилизации. Современный постмодернистский Запад склоняется к тезису: «есть только настоящее», он предъявляет миру себя в качестве образца и выдвигает чисто количественные критерии оценки развитости, в конечном счете, сводя его к росту потребления товаров и услуг. Но этот рост ограничен естественными ресурсными возможностями планеты, а значит, западная цивилизация рано или поздно столкнется с проблемой необходимости сокращения численности населения Земли. И здесь опять во весь рост встает угроза реанимации той или иной формы человеконенавистнической идеологии фашизма. Украинский «эксперимент» с упорным нежеланием Запада увидеть фашизоидные тенденции в нем является ярким симптомом подобной угрозы.

Коммунизм опирался на идею, что человек — это, прежде всего, творец, а творцом его делает труд. Фашизм утверждал, что человек — это, прежде всего, господин, а господином его делают воля, стремление подчинить себе других. Современный либерализм склоняется к тому, что человек — это, прежде всего, потребитель, который обретает свое счастье в удовлетворении разнообразных потребностей, формируемых свободным и стихийным развитием рыночного предложения. Но элементарная логика требует определить социальный субъект, который все-таки направляет развитие рынка. Вопрос: «Не стоят ли за свободным и стихийным развитием рыночного предложения конкретные центры принятия стратегических решений, которые преследуют свои, только им известные цели?» праздным не является. Отмахиваться от этого вопроса, клеймя саму его постановку как

антинаучную «теорию заговора», представляется некорректным. Проблема соотношения естественно исторического и проектного в истории человечества является крайне актуальным, особенно если Россия вновь будет пытаться предложить миру альтернативный вариант движения в будущее, которого нет, но которое может и должно быть.

Ставка на предпринимательскую инициативу и ускоренное «повторение» пути западных стран не выдерживают критики, так как за 25 лет в России предпринимательская активность остается низкой и отстает даже от большинства стран БРИКС и Восточной Европы [6]. Объяснять это «негативным наследием советского прошлого» представляется непродуктивным. И неслучайно либерально настроенные эксперты, группирующиеся вокруг фонда «Либеральная миссия», возглавляемого Е.Г. Ясиным, говорят о русском культурном коде как о главном препятствии для подобного развития [7]. С этим тезисом можно согласиться, но, на наш взгляд, из него вытекает совершенно иной вывод. Развитие на основе этого кода можно обеспечить, сменив представление о характере источника социальной энергии, необходимой для движения вперед, а возможно, и о самом направлении движения.

Критерием развития должно быть, как и в советское время, совершенствование человека, его восхождение интеллектуальное, нравственное, эстетическое в их единстве и целостности. Это не прямой возврат к советской идее «всесторонне и гармонически развитой личности», но ее «исправленное и дополненное издание» в условиях свободы политического и религиозного выбора. Развитие техники и технологий требуют духовного преобразования человека. Тупиковый характер западного постмодернизма наглядно показывает необходимость отказа от идеи развития общества без изменения социальных характеристик человека. И наконец, советский опыт успешного и динамичного развития ярко свидетельствует, что эта идея хорошо ложится на наш культурный код.

Новая индустриализация страны в рамках Шестого технологического уклада потребует, на наш взгляд, творчески повторить опыт советской индустриализации, когда реализация сознательно выбранной цели потребовала сформировать и социальную базу ее реализации. В крестьянской стране в исторически крайне короткий срок был образован мощный промышленный рабочий класс и достаточно многочисленная инженерная и научная интеллигенция.

«Социальная мобилизация», которая представляется абсолютно необходимой для подобного рода масштабных преобразований, затрагивающих все сферы жизни общества, не может развиваться как стихийный процесс, порожденный «требованиями рынка» или «тенденциями социального развития».

Во-первых, в современном обществе в связи с уровнем развития научного знания об обществе остается все меньше процессов, протека-

ющих совершенно спонтанно. Если первичная индустриализация еще может рассматриваться как результат спонтанного социального развития в ряде стран Запада, то уже догоняющая модернизация, стержнем которой выступала именно индустриализация, была результатом вполне осознанной деятельности правящей элиты как в социалистическом Советском Союзе, так и в капиталистической Японии.

Во-вторых, в современном остроконкурентном мире фактор времени играет все более существенную роль для выживания тех или иных социально-политических общностей, и надежды на саморазвитие необходимых для этого процессов превращаются в смертельную угрозу для самого существования подобных субъектов.

В-третьих, индустриализация как спонтанный процесс перехода от аграрного общества к индустриальному протекала в условиях, когда требования к «человеческому капиталу» качественно отличались от сегодняшних требований, связанных с переходом к Шестому технологическому укладу.

Из сказанного следует, что новая индустриализация может быть реализована только как процесс, инициированный в качестве политической стратегии развития страны в экономической и социальной сферах жизни общества. Реализовать же подобную стратегическую линию возможно только на основе социальной мобилизации при четком осознании характера движущих ее сил. При этом представляется существенным определение того, какие социальные группы общества могли бы стать источниками инициативы, какие группы способны обеспечить энергию развития процесса и тех слоев, которые могут быть вовлечены в процесс в качестве человеческого материала для подобной мобилизации.

Если так можно выразиться, социальный заказ на новую индустриализацию может исходить, в основном, из кругов военно-политической элиты, которая в современных условиях способна решить стоящие перед ней задачи по защите национально-государственного суверенитета, только опираясь на мощный и современный технико-технологический потенциал национальной промышленности. То есть мы имеем некое «повторение» ситуации с советской индустриализацией. Однако теперь задачу предстоит решать на совершенно иной экономической базе и в рамках иных социальных отношений.

Потенциально социальная база новой индустриализации — это инженерно-техническая интеллигенция во взаимодействии с квалифицированными рабочими, которых готовит система профессионально-технического образования, практически разрушенная, но поддающаяся восстановлению при наличии политической воли. Более трудно решаемой в рамках сложившейся в нашей стране экономической системы представляется задача предоставления доступа к

необходимым экономическим ресурсам для той части инженерного корпуса, которая обладает инициативой, необходимой для осуществления новой индустриализации, но и эту задачу решить возможно, если опереться на достаточно мощные государственные корпорации.

Однако без изменения духовных установок, мотивов деятельности и ценностных ориентаций участников процесса достичь желаемых результатов невозможно. Наверное, было бы наивно в современных условиях говорить о бескорыстном служении некой «великой цели», но и надеяться на то, что люди, ориентированные на чисто материальные ценности и преследующие эгоистические интересы, смогут стать источником развития страны тоже бесперспективно.

Христианские культуры содержат в себе идею жертвенной любви как высшей ценности. Подвиг Христа — культурный образец, который в конечном счете определяет восприятие и оценку любой человеческой деятельности. Советская идеология, отрицая религию, тем не менее, бессознательно наследовала и органически впитывала этот христианский, по своим истокам, культурный код. Она требовала жертвенности и самоотречения в деле служения идеалам коммунизма.

Светский гуманизм в этом смысле оказался ущербным, так как требовал от элиты постоянно и напряженно подавать пример во многом аскетичного служения идеалам без опоры на высший, божественный авторитет. Поздняя советская элита с этой миссией служения не справилась и спровоцировала разочарование в самих идеалах. Она во многом повторила в исторически короткие сроки то, что к 1917 г. произошло в нашей стране с идеалами православия. Любая «вера» остывает и остывает сначала в высших слоях общества, а затем и в низах. Но она не умирает, а продолжает жить в каком-то виде и требовать импульса для возрождения на новом этапе и в новой форме. Как, несмотря на репрессии и преследования, не погибло православие, так и советские ценности сохраняют жизнеспособность в глубине общественного сознания. Но если православие, являясь религиозным учением, может и даже должно настаивать на неизменности форм своего вероучения, то «светская вера», идеология могут сохранить свои базовые устои и ценности, только меняясь в соответствии с требованиями времени и на основе исправления прежних ошибок.

Советская система ценностей возникла и складывалась на основе двух мощных процессов — внедрения в общественное сознание марксистско-ленинской идеологии и живого творчества масс. Ценности всегда носят иерархичный и системный характер. В советской системе ценностей можно условно выделить собственно советские ценности и советские модификации укорененных глубинных ценностей русского культурного кода. Если идея коммунизма — «образ светлого будущего» — была, безусловно, светской, рациональной и

чисто марксистской, то справедливость, понимаемая как равенство и отсутствие любого избранничества, восходит к православному неприятию любой «богоизбранности», идее равенства всех перед богом и возможности для каждого свободно избрать путь служения Творцу. Труд, который библейские тексты трактуют как результат грехопадения и проклятия в результате принятия божьей воли, становится свободным как духовное служение. Советская идеология добавляла к этой фундаментальной идее только конкретные социальные и экономические требования, реализация которых становилась предпосылкой превращения труда в потребность каждого человека, при этом всячески открепивалась от религиозных истоков идеи «освобождения труда». В фундаменте советской системы ценностей лежали именно эти две основополагающие ценности: справедливость равенства и свободный труд на благо общества. «Образ желаемого будущего» выстраивался на их фундаменте как образ общества, где трудятся все, изменяя себя и окружающую среду, как социальную, так и природную. Реалистичная политика идентичности вновь требует определить для общества объединяющие, мобилизующие и вдохновляющие на совместные усилия цели, синтезируя опыт всей отечественной истории, органической, героической и плодотворной частью которой был советский период. Исторический опыт этого периода ярко доказывает вывод, что социальную энергию, необходимую для развития общества, порождает консолидация общества вокруг общих целей и вера в возможность их достижения. Именно определение подобных целей, формирование образа желаемого будущего и могут стать основанием для успешной политики идентичности в современной России.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Тишков В.А. *Российский народ: история и смысл национального самосознания*. Москва, Наука, 2013, 656 с.
- [2] Семенов И.С. Идентичность в предметном поле политической науки. *Идентичность как предмет политического анализа: Сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН, 21–22 октября 2010 г.)*. Москва, 2011, 299 с.
- [3] Фурсов А.И. Колокола истории. *Политическая наука*. Москва, ИНИОН РАН, 1997, 462 с.
- [4] Новый закон о принудительной стерилизации. *MedikForum*. URL: http://www.medikforum.ru/news/medicine_news/4049-novyy-zakon-o-prinuditelnoy-sterilizacii.html (дата обращения 25.05.2015).
- [5] Соборное слово XVIII Всемирного русского народного собора. *Всемирный русский народный собор*. URL: <http://www.vrns.ru/news/3395/#.VVxfAkZS02g> (дата обращения 25.05.2015).

- [6] Россияне не хотят заниматься бизнесом. *База данных деловых бумаг*. URL: <http://www.com-papers.info/documents/arc-465.htm> (дата обращения 25.05.2015).
- [7] Клямкин И.М., ред. *Куда ведет кризис культуры? Опыт междисциплинарных диалогов*. Москва, Новое издательство, 2011, 538 с.

Статья поступила в редакцию 19.06.2015

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Легчилин В.В. Советские ценности и формирование новой российской идентичности. *Гуманитарный вестник*, 2015, вып. 9.
URL: <http://hmbul.bmstu.ru/catalog/hum/socio/293.html>

Легчилин Владимир Витальевич — канд. филос. наук, доцент кафедры политологии МГТУ им. Н.Э. Баумана. e-mail: vv11754@yandex.ru

Soviet values and formation of a new Russian identity

© V.V. Legchilin

Bauman Moscow State Technical University, Moscow, 105005, Russia

As the objectives of the study, the author aims to justify the need for smooth incorporation of the Soviet values into the system of values emerging in the framework of the modern Russian identity. Scientific novelty of the work is to substantiate the thesis that although theoretically the system of values shared by the majority of society is produced by civil society, to overcome the crisis phenomena in the sphere of identity in modern Russia and purposeful activity of the state aimed at solving this task (identity politics) is necessary. The need for bridging gaps and schisms formed in the public consciousness, the consolidation of the population in the face of contemporary geopolitical threats and challenges makes actual use of the Soviet experience in this area and return to such values as justice understood as equality, humane image of the future and the primacy of the human socio-cultural over the natural and biological.

Keywords: *identity, values, Soviet values, identity politics, criteria development, energy economic and social development.*

REFERENCES

- [1] Tishkov V.A. *Rossiiskiy narod: istoriya i smysl natsionalnogo samoznaniya* [The Russian people: the history and meaning of national identity]. Moscow, Nauka Publ., 2013, 656 p.
- [2] Semenenko I.S. Identichnost v predmetnom pole politicheskoi nauki [Identity in the subject field of political science]. In: *Identichnost kak predmet politicheskogo analiza. Sbornik statei po itogam Vserossiiskoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii* [Identity as a subject of political analysis: a Collection of articles on the results of all-Russian scientific-theoretical conference] (MEMO RAN, October 21–22, 2010). I.S. Semenenko and L.A. Fadeeva, eds. Moscow, IMEMO RAN, 2011, 299 p.
- [3] Fursov A.I. Kolokola istorii [Bells of history]. In: *Politicheskaya nauka* [Political science]. Moscow, INION of the Russian Academy of Sciences, 1997, 462 p.
- [4] *Novyi zakon o prinuditelnoi sterilizatsii* [The new law on forced sterilization]. *MedikForum*. Available at: URL: http://www.medikforum.ru/news/medicine_news/4049-novyy-zakon-o-prinuditel-noy-sterilizacii.html (accessed 25.05.2015).
- [5] *Sobornoe slovo XVIII Vsemirnogo russkogo narodnogo sobora* [Unified word of the XVIII World Russian people's Council]. Available at: <http://www.vrns.ru/news/3395/#.VVxfAkZS02g> (accessed 25.05.2015).
- [6] *Rossiyanе ne khotyat zanimatsya biznesom* [The Russians do not want to do business]. Available at: <http://www.com-papers.info/documents/arc-465.html> (accessed 25.05.2015).
- [7] Klyamkin I.M., ed. *Kuda vedet krizis kultury? Opyt mezhdistsiplinarnykh dialogov* [Where does the crisis of culture? Experience interdisciplinary dialogue]. Moscow, Novoe Publ., 2011, 538 p.

Legchilin V.V., Ph.D., associate professor of the Department of Political Sciences at the Bauman Moscow State Technical University. e-mail: vv11754@yandex.ru